

**Валерий
ЧЕРКЕСОВ**

г. Белгород

*«Поэзия моя проста,
как хлеб с водой...»*

Виктор Боков

Дальневосточный город. Лютая зима. Незабываемое детство.

На окне – замысловатые узоры, нарисованные морозом. За окном – ранняя вязкая тьма, посвисты метели. Но потрескивает огонь в печи, и от этого в нашей тесной кухоньке тепло и уютно.

У печи хлопочет бабушка, жарит на ужин любимые мной пирожки с капустой.

Тихо мурлычет репродуктор. Задушевный женский голос заводит песню:

*В этот вьюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорога, на плечи
Оренбургский пуховый платок.*

Бабушка добавляет громкость и, не переставая стряпать, внимательно слушает.

Я знаю, она родилась на Волге, в Самарской гу-

бернии, это совсем недалеко от Оренбуржья. А дедушка и вовсе был из-под Оренбурга. В военное лихолетье судьба занесла их на Дальний Восток, да так и остались здесь. Но дедушки уже нет... А у бабушки от песни на глазах посверкивают слезинки.

В детстве я думал, что песня «Оренбургский платок» была всегда, что она – народная, и только став взрослым, узнал: автор слов – поэт Виктор Боков. И, конечно, я не мог и предположить, что не однажды встречу с Виктором Федоровичем.

1

Осенью 1992 года я впервые оказался в Доме творчества писателей в Переделкино.

Перед ужином вышел в «предбанник», где был городской телефон. Здесь же стояли старый диванчик и несколько кресел, покрытых кожей, на которых классики и неклассики отечественной литературы ожидали очереди, чтобы позвонить, и просто отдыхали, беседуя.

Бухнула входная дверь, и в Дом творчества вошел мужчина в ладно сидящем на его фигуре плаще, на голове – большая, я бы сказал, моднячая кепка. Он был явно в воз-

расте, но пожилым его никак нельзя было назвать: движения быстры, глаза светились. Когда же заговорил бодрым, задорным голосом, вопрос о его летах вообще исчез из моей головы.

Пришедший поздоровался со всеми, кому-то пожал руку. Кресла были заняты, и он присел на диванчик около меня, предварительно стряхнув дождевик с плаща и сняв кепи. Волосы были с густой сединой, но прическа еще довольно буйная.

– Откуда приехал? – спросил он меня.

– Из Белгорода.

Глаза собеседника еще более оживились.

– А я у вас бывал! В шестидесятых годах меня приглашал Белгородский пединститут. Такие теплые встречи были! Я – Виктор Боков, – и поэт протянул руку в знак знакомства.

Честно говоря, я опешил, несколько ступешвал: вот так запросто познакомиться с автором

«Оренбургского платка»! Такого подарка судьбы я никак не ожидал.

Уже не помню, в тот ли день или в другой Виктор Федорович оказался в моей комнате, много рассказывал, читал стихи. Попросил почитать и меня. От волнения строку своего стихотворения «Мать и сын» я прочитал так: «Сгубил березу – больно вкусен сок». Поэт сказал: «Сладок сок» будет точнее». Интересно, что у меня так и было написано.

А вот в стихотворении «Под Рождество» Виктор Федорович подкасал последнюю строку. У меня было:

*Дай-кошь в хате подмету:
Ежели пожалует
Ненароком ночью смерть,
Так и быть, приму.*

Поэт посоветовал сделать: «В чистоте приму». В такой редакции «Под Рождество» и печаталось потом в журналах и книгах.

На следующий день в Переделкино приехал руководитель Белгородской писательской организации Владимир Молчанов. Я рассказал, что познакомился с Виктором Боковым. «Давай пригласим его к нам на Дни литературы», – загорелся мой друг. И на следующий день к полудню мы направились к поэту.

Небольшой бревенчатый двухэтажный дом, покрашенный в зеленый цвет, с островерхой крышей. Невысокий забор из досок. Сад с яблонями, на которых кое-где еще желтели, краснели плоды.

Нас встретила хозяйка – приветливая, словоохотливая, русской, хотя уже и осенней, красоты. Я знал, что её зовут Алевтина Ивановна. Дело в том, что когда-то я приобрел сборник Виктора Бокова «Алевтина», в котором все стихотворения были об этой женщине и о любви. Также помню, какое душевное неприятие вызвала у меня публикация об этой книге в одном столичном журнале. Она была написана от имени так называемых читателей, хотя явно организована, возмущавшихся, что-де в наше бурное время строительства коммунизма поэт сюсюкает по поводу чувств, недостойных этих самых строителей.

Алевтина Ивановна провела нас в столовую. По деревянным ступенькам со второго этажа, видимо из рабочего кабинета, спустился Виктор Федорович. Поздоровался. Воскликнул:

– О, гости из Белгорода!

Тут же на столе появились ваза с яблоками, банка с медом. Хозяйка поставила перед нами чашки с пахучим чаем.

Поэт расспрашивал о Белгороде, о легендарной Прохоровке, еще раз вспомнил поездку в наш край. А вот на Дни литературы приехать отказался, сославшись на занятость и здоровье.

Расставаясь, он подписал мне и Володе по новой книжке «Стою на своем!». На моем экземпляре такие слова: «Валерию Черкесову – коллеге, пришедшему в мой дом, знающему мои стихи».

Рассказал поэт и как эта книга вышла. В то время государственные издательства уже разваливались, и сборник увидел свет благодаря почитателям творчества Виктора Федоровича. Какой-то предприниматель, кажется, из Сергиева Посада – родины Бокова, вложил в издание деньги и весь пятидесятитысячный тираж подарил автору.

«Стою на своем!» – я прочитал в тот же вечер. Ни в одной из предыдущих книг не было столь много биографических подробностей – о пребывании в ГУЛАГе, куда Виктора Бокова сослали по необоснованному обвинению, о дружбе с Андреем Платоновым, о проводах Марины Цветаевой в Елабугу, о поддержке его, молодого поэта, Борисом Пастернаком, о любви к поэзии Сергея Есенина... А еще о том, что, несмотря ни на какие удары судьбы, поэт говорит:

*И однако я пел Россию,
Был готов ей во всем помогать.
Если рухну и руки раскину,
Я не буду её ругать.*

И о том, как он определяет свое творчество:

*Поэзия моя проста, как хлеб с водой,
Как самые привычные понятия.*

В «Литературной России» в одном из летних номеров за 1994 год была напечатана подборка Бокова. Открывалась она стихотворением «На Прохоровском поле»:

*На Прохоровском поле – зéлено!
Мир, тишина. Душа пришла в восторг.
Горохом ныне поле все засеяно,
Где кровь лилась – растение растёт.
Я радуюсь и плачу, стоя на́ поле,
Где было столько крови и потерь.
Та девочка, которая здесь плакала,
Жива! И внуков пестует теперь.
Жив тот танкист, который был в сражении,
Сирень бушует у его крыльца.
Он косу взял при мне и с уважением
Пошел косить, лишь пот летит с лица.
О, Русь! Ты трижды рублена и латана.
Твой путь равнинный непомерно крут.
Но ты не любишь хныканья и ладана.
Едва из боя, ты скорей за плуг!*

Когда я прочитал, то почему-то подумал: а не на-

писалось ли это стихотворение под впечатлением той нашей встречи в Переделкино?

2

Будучи в Москве осенью 1999 года, я купил в магазине на Арбате небольшой сборник Виктора Бокова «Стихи из Переделкино», изданный к 85-летию поэта. С удовольствием читал серьезные и озорные строки, дышащие душевным здоровьем и молодостью. Предисловие к книге написал поэт Александр Бобров, который неоднократно бывал на Белгородчине. Приятной неожиданностью было и то, что оформил издание известный фотохудожник, уроженец Белгородчины Павел Кривцов. Что еще удивительно: снимки он сделал 5 августа 1999 года – значит, очередную годовщину освобождения Белгорода от немецко-фашистских захватчиков Павел отмечал вместе с Виктором Федоровичем на даче поэта.

О «Стихах из Переделкино» я написал в областной газете «Смена», напечатал в ней и стихи Бокова, а номер с публикацией отправил поэту. В конверт вложил и свою книгу «Крестный путь». Через какое-то время пришло письмо, напечатанное на старенькой машинке с западающими буквами, тщательно поправленное шариковой ручкой. Привожу его с небольшими сокращениями:

«Дорогой Валерий!

Твоя бандероль принесла мне радость. Я раскрыл книгу, подаренную мне, сразу всю её пролистал, везде с ходу «попробовал» и понял, что это настоящее. Я так разволновался, что сразу написал ответ в стихах.

Рецензия, вернее, боковское «окошечко» получилось очень емко и убедительно. И выбрал ты то, что надо.

Конечно, я прочту всю книгу внимательно и ответственно. Я предвкушаю, что она прозвучит для меня трубным призывом в поход.

Я активно каждый день пишу. Пишу без оглядки и страха. Чего мне теперь бояться, если я и при Сталине не струсил и в застенке писал и, бродя после отбытия срока по Руси, не кривил душой. Премий у меня никаких, но люди на мои вечера ломаются. Это и есть моя премия.

Вот-вот сдам новую книгу, для которой придумал неожиданное название: «Стихи от Виктора Бокова – для вас».

Спасибо за книгу.

Счастья, работы в новом году!

Обнимаю как друга!

Твой, ваш Виктор Боков».

В конверте был еще один лист со стихотворением. Вот оно:

Божья милость

Валерию Черкесову

*Мне приснилась божья милость,
Кто-то горсть орехов дал.
Это ты ко мне явилась?
– Милый! Ты не угадал!
Ангел пролетал над крышей,
Я спала, и ты дремал.
Хорошо, сосед наш вышел
И для нас подарок взял.
Сели мы. Грызём орехи,
А тужили: нет нам льгот!
Доброта, надев доспехи,
Вместе с рыцарем идет!*

28 января 2000 года

Не ведаю, печаталось ли это стихотворение в каких-то книгах, – я не встречал. А вот письмо Виктора Федоровича я время от времени перечитываю: не так-то часто доводилось и доводится слышать добрые слова о том, что делаю, чем живу.

В свою очередь я откликнулся на стихотворение, посвященное мне. И вот что написалось:

*На даче у Бокова яблони рясно цветут,
И воздух пьянит, голова просветлённо кружится.
Здесь вольные птицы нашли и покой, и приют
И, благодаря, заливаются звонкие птицы.*

*И годы, и беды хозяина гнут не согнут...
Запомню поэта улыбчивым, гордым и статным.
На даче у Бокова яблони рясно цветут,
И значит, по осени быть урожаю богатым.*

3

Так получилось, что о творчестве Виктора Бокова нет серьезных и обстоятельных исследований. По крайней мере мне таковые не попадались.

Книги Виктора Бокова изредка выходят, но малыми тиражами. И до провинции они не доходят. А ведь поэзия, которая проста, как хлеб с водой, в первую очередь необходима тем, кто возделывает «хлеб» в многозначном понятии этого слова – народу, им будет воспринята и оценена.

Впрочем, такое невнимание критиков и издательств объяснимо: в советские времена боковские песни, и не только «Оренбургский платок», но и «На побывку едет молодой моряк», «Лён, ты мой лён» и многие другие широко исполнялись, они пелись народом, но поэт не был близок к писа-

тельской верхушке, не яхсался с сильными мира сего, а значит, не получал ни наград, ни премий. Критика его порой называла частушечником, а то и еще уничижительней – балалаечником. В нынешние же времена не только Виктор Боков, но и другие поэты, чье творчество зиждется на народности, остаются как бы за бортом литературы. О поэте пишут его ученики и те, кого он поддерживал в творчестве и жизни: Станислав Куняев, Лариса Васильева, Валентина Коростелева, Владимир Дагуров, Геннадий Красников, Александр Бобров и другие. В свое время я слышал самые теплые слова о Викторе Федоровиче от поэта Бориса Примерова, который прекрасно знал современную поэзию. А уж в чём в чём, но в неискренности и подбобстрахии Примерова заподозрить было нельзя.

Запомнился мне и разговор в начале 90-х с поэтом Николаем Старшиновым в редакции редактируемого им тогда молодого гвардейского альманаха «Поэзия». Когда я рассказал Николаю Константиновичу о своем знакомстве с Виктором Федоровичем, мой собеседник выразился примерно так: «Боков – поэт, рожденный самой природой. Он, как стихия, неудержимая, изумительная, порой непонятная. Принесёт в альманах десяток стихов. Из них пять плохих, три хороших, два гениальных. Вот по этим двум и надо судить о его таланте».

Возможно, я несколько ошибся в названном количестве плохих, хороших и гениальных стихов, но за точность оценки, данной Старшиновым, ручаюсь.

В той же книге «Стою на своем!», подаренной мне поэтом, среди стихов разных вдруг блеснет поистине лирическая жемчужина:

*Становлюсь я всё проще и проще,
Все бесхитростней день ото дня.
Не поэтому ль иволга в роще
Останавливает меня!*

*– Далеко ли? – Да вот за грибами,
Встал, поел, прихватил кузовок.
Стал беседовать с лесом, с ручьями,
Ни словечка от них – на замок.*

*Птица иволга мило на дереве
Разговаривает кивком:
– А грибы твои в ивовом тереме
Как жар-птица с Иван-дураком!*

*– Я и сам, дорогая, Иванушка,
Простофилюшка-простота.
Все богатство мое – полянушка,
На которой растет красота.*

*Грузди белые, рыжики рыжие
И лимонная прожелть опять.
А еще сыроежки бесстыжие
Как накрашенные стоят.*

*Кузовок наполняется дивом,
Даровщиною, чудом лесным.
Пахнет хлебом печёным и дымом,
Пахнет печкою, домом родным!*

Вот поэзия, как говорится, высокой пробы. А высшая награда поэту – поистине вселюдская любовь: его песни, его стихи ушли в народ и стали частью нашего народа.

Валерий Николаевич ЧЕРКЕСОВ

родился в городе Благовещенске Амурской области.

Автор восемнадцати книг поэзии и прозы,

которые вышли в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске.

Печатался в журналах «Наш современник», «Слово», «Москва»,

«Дружба народов», «Знамя», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век»,

«Нева», «Всероссийский соборъ», «Север» и других.

Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии

«Хрустальная роза Виктора Розова».

Член Союза писателей России с 1991 года.

Собственный корреспондент «Литературной газеты».

Живёт в Белгороде.

